

Для цитирования: Зеленская Г.М. Исторические реалии в гимнографии Воскресенского архимандрита Германа //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_4.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.004

УДК 821.161.1; 244

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ГИМНОГРАФИИ ВОСКРЕСЕНСКОГО АРХИМАНДРИТА ГЕРМАНА

Г.М. Зеленская¹

1 ГБУК МО Музей «Новый Иерусалим», г. Истра Московской области, Российская Федерация

E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

*Архимандриту Макарию (Веретенникову)
с благодарностью за исполнение в 2000-х гг.
на Никоновских чтениях в музее «Новый Иерусалим»
учащимися Регентской школы МДА, им тогда возглавляемой,
духовных песнопений архимандрита Германа I.*

Архимандрит Герман I (нач. 1640-х? – 1682), настоятель Воскресенского монастыря Нового Иерусалима в 1681-1682 гг., вошел в историю русской литературы как автор виршевой поэзии, мастер акростиха. Его творческое наследие, введенное в научный оборот в конце 1950-х гг. А.В. Позднеевым, продолжает издаваться и изучаться [1, с. 239-241].

Особо значима публикация А.Г. Авдеевым Духовного завещания архимандрита [2, с. 82-84], позволившая конкретизировать принадлежавшие поэту книги и предметы келейного обихода, а также выявить круг его наследников — братья Воскресенского монастыря и лиц, тесно связанных с обителью [3, с. 85-117, 379-384]. Была плодотворной возникшая на этой почве научная полемика, в результате которой признано ошибочным мнение о роде архим. Германа I, сложившееся на основе Синодика с записью о роде архим. Германа II [4, с. 76-80; 5, с. 352-353].

Для контекста творчества архим. Германа важны исследования маргиналий нотированных сборников вт. пол. XVII в. И.Ф. Безугловой [6, с. 51-57] и А.Н. Кручининой [7, с. 284-294]. Изучение владельческих записей певческих рукописей выявило имена двух братьев о. Германа, постриженников Патриарха Никона и клирошан Воскресенского монастыря. Это головщик иерод. Григорий (Жернов) и «доместих» иерод. Тарах Воскресенец [7, с. 293]. Первый после низложения и ссылки Первосвятителя уехал на родину, где поступил в Кирилло-Белозерскую обитель, второй ушел в Троице-Сергиев монастырь. К сведениям о последнем добавим, что он вернулся в родную

обитель, так как в 1685 г. числился в списке братии: «На лѣвом крылосѣ головщиков <...> Тарах» [8, л. 228]¹.

Собирание в Новом Иерусалиме его насельников, рассеянных подобно овцам стада, когда поражен пастырь (Мф. 26:29), происходило в первой пол. 1680-х гг. Оно было обусловлено назначением по указу царя Феодора Алексеевича настоятелем монастыря о. Германа и завершением строительства храма Воскресения Христова.

Изучение открытого С.К. Севастьяновой анонимного сочинения о Патриархе Никоне выявило еще одного собрата архим. Германа — иерод. Тимофея (Рвовского-Каменевича), проповедника и уставщика Троицкого Афанасьевского монастыря на реке Мологе в Угличском уезде, писателя и редактора-составителя летописных сводов [9, с. 57-82].

Новые биографические сведения о гимнотворце пока не обнаружены. Мы по-прежнему ничего не знаем о его происхождении. Предположение о том, что он был выходцем из Западной или Юго-западной Руси, основано на его творчестве, синтезировавшем традиции, характерные для кантов «мастеропевцев Нового Иерусалима». По словам Е.Ю. Шевчук, им «присущ самобытный духовно-песенный стиль, в котором соединились особенности укр. кантовой и партесной, а также польск. псалмовой мелодики с интонациями рус. духовных стихов, знаменного распева (как монодии, так и аккордовых гармонизаций XVII в.), рус. устной песенности и словесности» [10, с. 497]. В связи с указанными оттенками в музыкальной палитре о. Германа интересна запись в его Завещании: «Книгу печать полская Александра Гвавнина в десть отдать на Москвѣ собора Архангелского диакону Аврамию Васильеву» [2, с. 84].

Московский наследник поэта получил, по-видимому, сочинение Александра Гваньини (1538-1614) «Описание Европейской Сарматии» («*Sarmatiae Europaeae description*»), составленное на латинском языке и впервые опубликованное в Кракове (1578). В Западной Руси книга получила широкое распространение в польском переводе под названием «*Kronika Sarmacyeu Europskiey*» (Краков, 1611). Надеюсь, в будущем историография архим. Германа пополнится сведениями о диаконе Авраамии Васильеве, сейчас же сошлемся на документ с комментарием издателя в виде вопроса: «В 1688 г. 5 окт. даны были подводы до малороссийских городов и обратно архангельского собора свящ. Ермолаю Иванову и диак. Авраамию Васильеву. Не на родину ли они ездили?» [11, с. 314].

Архим. Герман, несомненно, поддерживал связи с Малой Россией. В его келейную библиотеку входила «книжка каменная», идентифицированная нами как «*LIΘOS abo kamien z procy prawdy cerkwie swietey prawoslawney Ruskiey, na skruszenie falecznociemnie Perspektywy albo raczey paszkwilu od Kassiana Sakowicza...*» («Лифос или камень с пращи правды Церкви святой православной

¹ Здесь и далее цитаты из рукописных и печатных источников воспроизводятся в орфографии и синтаксисе оригинала.

Русской на сокрушение лживотемной Перспективы... от Кассиана Саковича») [3, с. 101]. «LIΘOS» вышел на латинском языке в Киево-Печерской типографии (1644), где печатались на латинице и стихотворные сочинения архиеп. Лазаря (Барановича) из собрания архим. Германа: «Żywoty świętych ten Apollo pieie iak ci działali niech tak kozdy dzieie» (1670), «Lutnia Apollinowa koźdey sprawie gotowa» (1671).

Среди гипотез о жизни архим. Германа I существует основанное на ошибочном отождествлении его рода с родом выходца из Казани архим. Германа II (†1699) предположение о том, что поэт получил монашеское имя в честь свт. Германа I, митр. Казанского (†1567). Представляется более вероятным наречение Святейшим Никоном своего литературно и музыкально одаренного келейника в честь духовного писателя и песнотворца свт. Германа, Патриарха Константинопольского (VII-VIII вв.). Церковные гимны, стихирьы и каноны этого Святителя входят в состав многих праздничных богослужений [12, с. 79-90], а его проповеди включены в рукописные сборники Воскресенской библиотеки [13, №76, с. 260; №155, с. 281].

Послушания о. Германа известны из его акростихов и подтверждаются источниками не только письменными, но и, что редкость, изобразительными. Юным иподиаконом «старчик» представлен на парсуне нач. 1660-х гг. «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря». Позже он был уставщиком и «еклесиархом», в 1673 г. упоминается как соборный старец, в 1674-1676 гг. — как строитель. В эти годы по указам Патриарха Иоакима из Нового Иерусалима в Москву вывозились св. мощи, книги, богослужебные облачения. Строитель Герман, ответственный за имущество обители, пытался, вероятно, этому противиться, вследствие чего в октябре 1675 г. было велено: «сыскать братьею, и служки, и служебники, строителя старца Германа съ товарищи въ бою и о срыве казенной печати и о ключахъ» [14, с. 553].

В мае 1676 г. в обитель пришла грамота с повелением: «Ипацкаго монастыря бывшаго архимандрита Феодосия заковать въ кандалы и посадить въ земляную тюрьму, а строителя Германа на соборе при всей братии бить шелепами за ихъ безчинство» [14, с. 554]¹.

Думается, именно эти события отражены о. Германом в одном из акростихов его покаянного песнопения «Память предложить смерти»: «Маия месяца болезнен» [19, с. 863].

¹ Архим. Феодосий († после 1676), согласно П.М. Строеву, — настоятель Ипатиева Троицкого монастыря (1670-1674), переведенный в Новый Иерусалим [15, Стб. 853]. Архим. Леонид отождествлял его с Воскресенским экономом иером. Феодосием и полагал, что он был в 1669-1671 гг. настоятелем Ипатиева монастыря (1669-1671), а затем жил на покое в Новом Иерусалиме, где и умер в схиме [14, с. 127]. Эту версию повторяет прот. Д. Сазонов [16, с. 303], не упоминая об экономе Феодосии, который умер строителем Троицкого Астраханского монастыря и был погребен в г. Туле, у Благовещенской церкви, сооруженной им на собственные средств в 1692 г. [17, с. 199-203; 18, с. 204-205].

Боль была не только физической. Грамота о наказании датирована 12 мая, днем памяти свт. Германа Константинопольского. Происшествие повлекло за собой смену настоятеля, строителя и ризничего Воскресенского монастыря. Это нашло отражение в акrostихе написанного поэтом в 1678 г. песнопении «Феодор, славный воевода» [19, с. 863-864], посвященном вмч. Феодору Стратилату, тезоименитому святому царя Феодора Алексеевича: «Феодора восхваляю, / да защитит, умоляю, / царя тезоименного / Феодора усердного; убоги чернец Герман; лета семь тысяч сто осмдесят шестаго во осмы день иуны» [19, с. 864].

Государь, воспитанник иером. Симеона Полоцкого, оценил мастерство чернеца Германа. В феврале 1680 г., одновременно с подготовкой работ по завершению строительства Воскресенского собора, в Новый Иерусалим на должность настоятеля переводится из Успенского Тихвина монастыря архим. Варсонофий. По его челобитной Афанасьевская Угличская обитель снова, как при Патриархе Никоне, становится приписной к Воскресенскому монастырю, и ее строителем назначается иером. Герман. Этот факт свидетельствует о знакомстве поэта с проповедником Афанасьевского монастыря иерод. Тимофеем (Рвовским) и объясняет соседство в одном из рукописных сборников Духовного завещания архим. Германа и произведений о Тимофее [20, с. 238-239].

25 октября 1680 г. скончался архим. Варсонофий. 1 декабря 1681 г. строитель Герман по просьбе царя подает ему «Доклад» о назначении нового архимандрита. Этот документ заслуживает специального текстологического анализа для выявления уставных, агиографических, святоотеческих и других источников, на основании которых иером. Герман излагает принципы управления общежительным монастырем. Что касается исторических реалий, то они присутствуют в «Докладе» в виде суждений, основанных на опыте иноческой жизни автора и присущем ему даре духовного рассуждения. За формулировками текста, часто апофатическими, возникает идеальный образ, который восходит к Патриарху Никону и архимандритам, управлявшим Воскресенским монастырем по его благословению: «Нам <...> чтоб свою отеческую любовь показовал, яко отец чадом, и совѣт по заповѣди Владыки всѣх, яко первый брат ко единственным братьям. И учение и завѣщание в любви, яко присным другом, а не яко князь рабом, или богачь нищим <...>. И потаеных бы подговоров слушать не изволил, а обличал бы насреду пред всѣх. Чтоб от такового диявольского и лукавых человек злохитрѣства потаенаго ему мнѣния в сердцах или и явныя к нам злобы, а нам размышления и от благосовѣтия удаления и ненависти друг на друга не восставали.

Пищу и питие в трапезѣ чтоб имѣл от братьи немного излишнее и в кѣлье, кромѣ нарочитых гостей или немощи <...> чтоб особно от братии не трапезовал, дабы от того образ безчинства иным не происходил.

Сродичам своим по плоти или и другом чтобы монастырским ничѣм не здѣлася, и всѣх сущих в монастырѣ от того возбранял, чтоб за любов плотскую

родителей и друзей отвержения заповѣди Божия не было и монастырю зазора, а подручным соблазна <...>.

А мы не точию о всяких монастырских великих дѣлах, яко о строении болшом и малом, или о иных народных вещех, но и о малых особно приличных дѣланием разсудити могущему возвѣщати, и совѣт и благословение приимати должны есми» [2, с. 78-79].

Прочитав «Доклад», царь Феодор назначил настоятелем самого Германа, чье возведение в сан архимандрита совершилось в феврале 1681 г. Месяцем ранее государю была подана челобитная о возвращении из ссылки Патриарха Никона, подписанная насельниками обители во главе со строителем Германом. Документ, строго соответствуя жанру, представляет собой вместе с тем авторское произведение. О. Герман и в прозе — поэт. Его отличает ассоциативно-образное и аналитическое мышление, искусное использование сравнений с нанизыванием смысловых уподоблений из Св. Писания и церковной истории. Это ярко выражено в характеристике Патриарха Никона — «отцѣ нашем, избавлшем нас от глада неслышания словес Божиих и удоволившаго нас насыщением тучнаго телца и Агнца, иже питающиися вовѣки не умирают. Тѣм нынѣ молим тебе, благочестивѣйшаго нашего Государя Царя <...>: помилуй нас, нищих своих богомолцев, подаждь церкви исполнение, приведи кормчия кораблю, послѣ пастыря стаду, пристав главу тѣлу, хриstopодражательнаго нашего наставника, святѣйшаго Никона, преведшаго нас море мира сего, яко Моѣсей, повели, да и землю обѣтования, юже наслѣдуем твоим прещедрым богатодаровитым подаянием обилно, такожде наслѣдствит и нам, разделит, яко Иисус и Елеазар, вѣдый всѣх, по разсмотрителному комуждо достойному приличеству...» [2, с. 80].

Автор предостерегает: «не уподобихомся древним израилтяном, пренесшим кости от глада их избавлшаго Иосифа от Егѣпта, и в новых чад Константинополяном, умолившим благочестивѣйшаго царя Феодосия о возвращении Иоанна Златоустаго от Коман», — и живописует картину благоприятного завершения «дела Никона»: «Изведи из темницы душу его, яко и блаженнаго нѣкогда Игнатия патриарха Царскаго града из заключения, повели свободити ис Кирилова монастыря в монастырь Живоноснаго Воскресения Христова, растуши днесъ в высоту повсюднаго прославления, яко древо плодовито при исходящих твоего благодаровитаго и щедролубезнаго излияния, насажденный и оупояваемый, да и с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в старости своей возвеселится» [2, с. 80].

Характерная для мироощущения о. Германа духовная восторженность соседствует в данном тексте с трезвым опытом земных реалий. Посредством уподоблений он излагает два варианта освобождения Патриарха Никона. Первый — на примерах истории прав. Иосифа и Жития свт. Иоанна Златоуста. Упомянув проданного братьями в египетское рабство и умершего там Иосифа, чьи кости были по его завещанию (Быт. 50:25) перенесены Моисеем в землю обетованную (Исх. 13:19), о. Герман говорит и о перенесении в

Константинополь (438) мощей свт. Иоанна Златоуста из Коман — места его ссылки и кончины (†407). Сопоставление по принципу семантической симметрии основано на текстах службы Перенесения мощей свт. Иоанна, где он назван новым Иосифом: «Міра пшеницомъбритель, вѣрній, ѿже сладоію небѣсною Духа сердца напитая всѣхъ, не изъ Египта приходитъ: Іосифъ же новѣй проявляяся, въ честнѣхъ мощѣхъ въ Команѣ приходитъ...» (Стихиры на стиховне).

Архим. Герман связывает оба церковно-исторических образа с Патриархом Никоном. Как Иосиф спасал народ от телесного голода накопленной пшеницей, а свт. Иоанн Златоуст питал сердца паствы сладостью «ученій медоточныхъ», — так и Святейший Никон избавлял своих духовных чад «от глада неслышания словес Божиих». Напомним, что и Патриарх Никон видел в свт. Иоанне Златоусте один из своих первообразов: «их же реестръ се есть: Иоанъ Златоуст, Афанасей Великий, Василей Великий и здѣшни Филип митрополит» [21, с. 145].

Поэтические творения архим. Германа разнообразнее и сложнее документальных текстов, они виртуозны по ритмике, образному строю, богатству синонимов, мастерству акростиха. Его вторую эпитафию Патриарху Никону («Аще кто любит милость Бога к земным знати...») отличает плотность уподоблений, объединяющая пласты и оттенки символической семантики строфы, где звучат, сливаясь и расходясь, три темы — Христа, мч. Евстафия Плакиды и прав. Иова. В первой эпитафии («Господень образ здѣ есть и Плакидов...») поэт осмысляет события жизни Патриарха в контексте Св. Писания. Упомянув царя Феодора, он использует библейскую нумерологию и притчу о заблудшей овце, искусно связав ее с притчей о сеятеле. Краткая и пространная эпитафии на белокаменных плитах у гробницы Первосвятителя воспринимались как смысловое и стилизованное целое [22, с. 322-331].

Показателен пример разного прочтения исследователями одного слова во второй эпитафии, где говорится о сооружении Патриархом Никоном храма Воскресения Христова: «абіе зиждет во образ іерусалимскій / воскресшаго велиї храм яко палестинскій / мѣсто всѣхъ с[траст]ей Спаса и гроба святаго / у тѣхъ же наиденіе и креста честнаго / яко давида присно тая поминаеть / сыновство имже прияхомъ да не забываетъ» [4, с. 127].

На плите высечено слово «давида», но А.Г. Авдеев в текстологических комментариях приводит и другой вариант написания — «да видя» [4, с. 135], в том числе, в публикациях архим. Апполоса (Байбакова) и Г.М. Зеленской [23, с. 99; 24, с. 319]. В первом случае, вероятно, имеется в виду пророк-псалмопевец, отец царя Соломона, которому поэт «тайнозримо» уподобляет Патриарха Никона. Представляется, однако, более точным второе прочтение, означающее, что сам святитель-зодчий и все, кто видит в храме Нового Иерусалима святые места Страстей Христовых, «присно поминают» Крестную жертву Спасителя, которой Он искупил «подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4:5). Это толкование совпадает со словами Патриарха

Никона о том, что он «создашь по образу того великаго Иерусалима святое ограждение на видѣние и воспоминание приснопамятнаго святаго Иерусалима, въ немъ же спасительныя страсти нашего ради спасенія содѣяшася» [25, с. 157].

Архим. Герман, таким образом, цитирует самого Первосвятителя. Случайна ли возможность смысловых интерпретаций двух версий прочтения слова? Ответ мог бы дать автограф, но он пока не выявлен.

Исторические реалии отражены и в гимне архим. Германа «Да восприимут ныне горы радость». Песнопение, посвященное Преображению Господню, упоминает соименный празднику храм, а в заключительной строфе — «нашего пастыря, отца в бозе Филарета», с возгласом: «и ликующе пойте “Многая лета!”». Как увидим далее, конкретности текста тоже могут интерпретироваться по-разному.

1
 Да восприимут ныне горы радость,
 Видяще ясно великую благодсть
 преблагаго,
 всесилнаго
 Бога святаго
 Преображшася Владыку на святей
 Горе велицей именем Фаворстей.

2
 Единородна Сына преблагаго,
 Естества Отча тогожде святаго
 неразделна,
 неразлучна,
 единосущна,
 Равна же Отцу и со Святым Духом,
 Его же от пророцы предслышахом слухом.

3
 На горе же ныне чювственне ужасне,
 Лучи Божества показавше ясне
 освященным,
 озаренным
 горам разумным,
 Апостолам тем, их избра лучших,
 Ранне от пророк представль первых сущих.

4
 Перва законе Моисея суца
 И в благодсти перва преимуца
 ревностию,
 первостию
 и теплостию
 Закона паки зиждитвенника,
 Мудра Илию небошественника,

5
 Равне сущаго днесь во благодати,

Ясную зарю изволиша прияти,
 пречестнаго,
 несквернаго,
 прелюбезнаго.
 Девства над ины детели превышша
 Ангеловидна Иоанна бывша,

6
 Апостола же еще изряднаго,
 Таиннику всех сродника сущаго,
 сопридведе,
 и возведе,
 благодсть подаде
 Небесна зрети Иакову везде,
 Нарочитейшу суцу яко и зде.

7
 Земли повеле Моисея дати,
 От рая же днесь Илию послати,
 показуя,
 извествуя,
 разум дарствуя
 Умно внимати, яко есть Содетель
 Людей живых же и мертвых Владетель.

8
 Да познают зде пророцы тако,
 Равне суци от апостол всяко,
 яко волным
 самохотным
 изволением
 Явно изволил страсть и смерть понести
 И во тме сущих в свет райский извести.

9
 Нам же, первее люте омраченных,
 Жаждею благих велми согнетенных,
 присетити,

озарити
и просветити
Празником днешним Преображения,
Крайняго всем подав озарения.

10
Единаго всех того Бога знати,
Его, Творца всех, верно прославляти,
просиявша,
показавша,
и всем подавша
Истинны веры нам просвещение,
От ада люта свет изведение.

11
Сего ради днесь люди честнии,
Святителем всех Бога стяжании,
услышавше,
и внушавше,
умно приемше,
«Сей возлюбленный Сын мой!» глас Отца,
В облаце Духа свидетелство Творца.

12
Троицы святыя явление ясно
Торжествующе пойте велегласно,
миротворца,
всем нам Отца,
премудра борца,
Ангелы купно земным примиривша,
Адамский весь род от скверны измывша

13
Овою от ребер с Кровию драгою
И всех бо яко днесь чашею святою
независтно
и доволно,
преизобилно

Шума мирскаго бегших напоет,
Шатание злоб вергших насыщает

14
Агнец безгрешный, за мирский грех жремый,
Архиерея от рук подаемый
в день празднества,
и ликовства,
днешня торжества
Его святаго Преображения
Единовидна неба видения.

15
Всяк убо верный того ради везде
Оного должен пети, болше же zde
прославляти,
воспевати,
торжествовати,
Соимените храму великому,
Красному сущу тезоименитому.

16
Радостнейшаго Богозарения,
Его святаго Преображения
велегласно,
и согласно,
вси доброгласно
Славословящаго красно Бога,
Его же милость правым ввек премнога.

17
Нашего пасе пастыря во пастве,
Содержащаго разумно в изрядстве
в сей ограде,
в Новом граде,
в Нижне преграде,
Крайняго отца в Бозе Филарета,
И ликующе пойте «Многая лета!».

Акrostих: «Ден празднества, / Велия торжества / Празднуя, писаша / Герман, ликоваше, Воскресенски» [19, с. 867-869]¹.

¹ Комментарий Е.Е. Васильевой: «В гимне сопрягаются смысловые планы праздника Преображения <...>. Последние строфы (содержащие в акrostихе подпись) обычно в такой композиции добавляют нечто частное к теме. Здесь это указание на Преображенский собор, расположенный в сей ограде, в новом граде, в нижней преграде, и имя крайнего отца в Бозе Филарета. Может оказаться уместным напоминание о Кирилловском монастыре, в нижней части которого, расположенной ниже первой территории монастыря, была церковь Преображения, ближайшая по расположению к палатам, в которых пребывал Святейший Патриарх в последние годы ссылки. <...> Сопоставляя это обстоятельство с необычной, единственной в своем роде формой

Произведение делится по содержанию на две части. Первая (строфы 1-12) раскрывает догматический смысл праздника, подавшего «истинны веры нам просвещение». Вторая часть (строфы 13-17) посвящена Божественной литургии, которая, прославляя «днешня торжества», совершается в храме тезоименитом празднику. Завершают песнопение начальные слова многолетия архиерею, возглавляющему богослужение.

Сравнение первой части гимна с литургическими, проложными и святоотеческими текстами на тему Преображения Господня убеждает в том, что архим. Герман не повторяет евангельское изложение события или одно из творений Отцов Церкви. Он мыслит каноническими образами, но мыслит творчески, сопоставляя их традиционно или неожиданно, явно или умозрительно, развернуто или кратко, но всегда зависимо от ритмики стиха и последовательно в движении от общего к частному. Подобно иконописному изображению, семантико-символическое пространство строк соединяет горнее и дольнее, ближнее и дальнее, иногда — по принципу взаимного отражения, когда прообразы и образы просвечивают друг сквозь друга.

Начинается песнопение с картины одушевленных гор, со всех сторон света «видящих ясно» вершину той горы, где совершается Богоявление: «Да восприимут ныне горы радость, / Видяще ясно великую благодсть <...> / Преображшася Владыку на святей / Горе велицей именем Фаворстей» [19, с. 867].

Подобную панораму описал прп. Афанасий Синаит: «...я ныне радостно и любопразднственно стою на сей Божественной высоте и вершине и, простирая руку с этой горы, созываю все горы для поклонения Богу и вопию: горы Араратские, горы Гелвуйские, горы Синайские, горы Фаранские, горы северные, горы западные, горы Ливанские, горы южные, горы островов, все горы – преклоните главы и поклонитесь на горе Фаворской Христу Богу нашему. И когда множество гор совзыграют, призовём: горы Иорданские, горы Ермонские, горы Элладские, горы Олимпийские, горы Гевальские, горы Арнонские, горы Эпирские, гора Галаадская, гора Сионова, гора Голгофская, гора Елеонская — совоспойте и возвеселитесь, единым гласом восхваляя Христа на Фаворской горе...» [26].

Архим. Герман в начале гимна тоже стоит посреди «горного клироса» в Галилее и видит на ближнем плане «разумные горы» — пророков и апостолов, озаренных и просвещенных лучами Триипостасного Божества. Его песнопение начинается и завершается (строфы 1-2, 11-12) догматически главным мотивом — явлением Пресвятой Троицы.

Теофания — сквозная тема для богослужения праздника и Поучений о нем, толкующих семантические значения пророков и апостолов — свидетелей Преображения Господня. Соответственно Св. Писанию и творениям Отцов

надписи, торжественной и официальной, можно предположить, что Преображенский гимн написан как послание и в память о Святейшем Патриархе...» [19, с. 869, сн. 438].

Церкви, о. Герман характеризует Моисея как «закона зиждитвенника», Илию — как «мудра небошественника» (строфа 4). По словам прп. Ефрема Сирина, Христос, призвав их на Фавор, «показывает» апостолам, что «Он есть Господь живых и мертвых: ибо повелел небу, и оно низвело Илию, — дал мановение земле, и она возвратила Моисея» [27, с. 362].

Стихи песнотворца (строфа 7) близки этой цитате: «Земли повеле Моисея дати, / От рая же днесь Илию послати, / показуя, / извествуя, / разум дарствуя / Умно внимати, яко есть Содетель / Людей живых же и мертвых Владетель» [19, с. 868].

Строки перекликаются с текстом Пролога, где Господь «извѣствует» Своим Преображением «воскресеніе, сего ради Моисеа от мертвыхъ представи, Илію же от живыхъ: являя яко той есть судія живымъ и мертвымъ, и яко вся воскресить» [28, л. 360].

Начало апостольской темы в песнопении созвучно толкованию прп. Ефрема Сирина: «И взирали друг на друга пророки на апостолов, апостолы на пророков. Увидели там друг друга началовожди Завета Ветхого началовождей Завета Нового <...>. Ветхозаветный девственник — Илия видел Новозаветного девственника — Иоанна» [27, с. 364].

Архим. Герман после пророка Илии называет и сопоставляет с ним именно этого апостола: «пречестнаго / несквернаго / прелюбезнаго. / Девства над ины детели превышша / Ангеловидна Иоанна бывша» (строфа 5) [19, с. 868].

Строфа 6, посвященная брату ап. Иоанна — ап. Иакову Зеведееву, сообщает, что Господь: «благость подаде / Небесна зрети Иакову везде, / Нарочитейшу суцу яко и zde» [19, с. 868].

Строки содержат аллюзию на видение ветхозаветным патриархом Иаковом лестницы на небо — образ, тоже присутствующий в Слове о Преображении прп. Анастасия Синаита: «Как страшно место сие» (Быт. 28:17), — воскликну и я, изумляясь с патриархом Иаковом, по случаю праздника на сей горе. Ибо вижу, как и он, лестницу, будто бы от земли до неба доходящую, и Самого Бога в храме, стоящего на самом верху лестницы на горе» [26].

Невероятно, но в гимне не упоминается ап. Петр, которому гомилии о Преображении уделяют особое внимание, обусловленное евангельским текстом и его интерпретациями. Логично предположить дефект изданного списка, — видимо, в авторской версии ап. Петру была посвящена отдельная строфа с завершенным текстом. В любом случае это — вопрос для дальнейших исследований произведения.

Строфа 11 — единственная, где о. Герман использует парафраз из Св. Писания:

Евангелие от Матфея	Герман, архим. «Да воспримут ныне горы радость»
«Глас из облака глаголющий: “Сей есть Сынъ Мой возлюбленный”» (Мф. 17:5).	«“Сей возлюбленный Сын мой!” глас Отца, В облаце Духа свидетельство Творца» [19, с. 868].

Строфа 12, переходная от темы теофании к теме искупления и литургическим мотивам праздника, прославляет Господа: «Троицы святыя

явление ясно / Торжествуяще пойте велегласно, / миротворца, / всем нам Отца, / премудра борца, / Ангелы купно земным примирившя, Адамский весь род от скверны измывша» [19, с. 868].

Определение Бога как Борца снова «возводит ум» к ветхозаветному патриарху Иакову, — его борьбе с Богом (Быт. 32:24-30) и дарованию ему и его потомству имени «Израиль» (Быт. 32:28), что этимологически означает «Богоборец», а семантически толкуется как «видящий Бога» [29, с. 629].

Умение одним словом выразить комплекс событий, понятий и интерпретаций — особенность поэтического дара о. Германа, воплощенная в синтезе тонкого духовного слуха и гибкого ассоциативного мышления с чрезвычайной начитанностью и разнообразием практических навыков. Последнее важно для характеристики адресатов гимна, — произведение предназначено для исполнителей и слушателей, свободно понимающих язык богословской полисемантической символики.

С 8-й строфы в песнопении звучит тема добровольной жертвы Спасителя, ключевая для праздника Преображения: «Да познают zde пророцы тако, / Равне сущи от апостол всяко, / яко волным, / самохотным / изволением / Явно изволил страсть и смерть понести / И во тме сущих в свет райский извести» [19, с. 868].

Эти строки близки Беседе на Преображение Господне прп. Ефрема Сирина: «От возвел их на гору и показал им царство Свое прежде Своих страданий <...>, дабы тогда, как Он будет взят и распят Иудеями, они знали, что Он распят не по немощи, но по благоизволению Своему добровольно во спасение миру» [27, с. 363].

Образ нетварного сияния создают в гимне однокоренные синонимы, которыми насыщено большинство строф. Фаворский свет — это «лучи Божества», «единовидна неба видения», «свет райский», «ясная заря», «озарение», «Богозарение». Это также метафорическое «веры просвещение», избавляющее от духовного ада «во тме сущих» и «люте омраченных». Определения света, как и контрастное сопоставление их с кромешной тьмой, созвучны тексту 34-й гомилии свт. Григория Паламы: «Будем веровать так, как научили нас те самые, которые просвещены от Самого Христа <...>. Мы же, разумея тайну Преображения Господня <...>, будем и сами стремиться к озарению оным светом <...>, очищая духовныя очи от земных помыслов <...>, ввергающих в огонь геенский и тьму кромешную, от которых да освободимся озарением и познанием невещественнаго и присносущнаго света преобразившагося на Фаворе Спаса нашего» [27, с. 434].

Композиционная кульминация гимна посвящена литургической теме — Таинству Святого Причащения, когда Спаситель «от ребер с Кровию драгою / И всех бо яко днесъ чашею святою <...> / Шума мирскаго бегших напоят, Шатание злоб вергших насыщает» (строфа 13) [19, с. 868].

Далее следует богослужбная и календарная конкретизация: «Агнец безгрешный, за мирский грех жремый, / Архиерея от рук подаемый / в день

празднества / и ликовства, днешня торжества / Его святого Преображения / Единовидна неба видения» (строфа 14) [20, с. 868].

Поэт создает визуальный образ архипастырского служения, во время которого клир и богомольцы, подобно апостолам на Тайной вечере, приемлют Святое Причастие «Архиерея от рук».

В строфах 15-16 духовный взор песнотворца переходит от церковного ликования «везде» к Преображению Господню «зде»: великий праздник тезоименит «храму великому», где особо должно его «прославляти, воспевати, торжествовати». В конце гимна поэт использует «адресный» план, показывая пастыря, пасомого Господом «в сей ограде, / в Новом граде, в Нижне преграде» (строфа 17) [19, с. 869].

Назвав имя пастыря (Филарет), автор характеризует его как «крайнего отца в Бозе» и призывает «ликующе петь ему “Многая лета!”»

Слово «крайний» имеет в данном случае иерархический смысл и означает «первый». В этом значении, как увидим далее, употреблял его Патриарх Никон. Здесь отражены, несомненно, исторические реалии. Согласно комментариям Е.Е. Васильевой, они могли быть связаны с Кирилло-Белозерским монастырем, где Святейший Никон провел последние 5 лет своей ссылки. Концепция исследователя опирается на факт существования в обители храма Преображения Господня. Эта небольшая церковь, возведенная в 1595 г., находится над проезжими Водяными воротами, которые входили в систему монастырской ограды Старого города, обращенной к Сиверскому озеру. Вопреки утверждению Е.Е. Васильевой, к Новому городу, огражденному крепостной стеной в 1653-1682 гг., церковь отношения не имеет. Участок древней ограды с Водяными воротами, примыкая к новой стене, исторически и территориально относится к Старому городу [30, с. 140, 156-160, 200-202].

В гимне праздник Преображения Господня соименит «храму великому», и Е.Е. Васильева права, комментируя эти слова как «указание на Преображенский собор». Однако ни определение поэта, ни толкование исследователя не соответствуют масштабу и месту надвратной церкви в ансамбле Кириллова монастыря. Еще менее соответствует положению ссыльного монаха Никона образ пастыря, Богом пасомого «во пастве» и содержащегося «разумно в изрядстве». Речь явно о другом храме и о другом пастыре. Е.Е. Васильева не называет имя «крайнего отца в Бозе», но, возможно, понимает его (из комментария это не следует) в значении греческого слова «филарет», т.е. «любящий добродетель» (в публикации, однако, — с прописной буквы). Если, по мнению исследователя, «гимн написан как послание» (кому? — Г.З.) и «в память о Святейшем Никоне» (уже усопшем? — Г.З.), то почему его завершает многолетие?

Думается, песнопение создано по конкретному случаю — престольному празднику кафедрального Спасо-Преображенского собора, и называет оно конкретного архипастыря — первого архиерея учрежденной в 1672 г. Нижегородской епархии митр. Филарета (†1694).

Нижегородская земля («страна») называлась тогда Низовской, отсюда двойное указание поэта на расположение Преображенского собора. Настольная грамота митр. Филарета определяет место его назначения так: «Низовская земля» с «Нижним Новым градом», где архипастырю надлежит «в начальнойшем храме боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа вся архиерейская служения управляти» [31]. Биография митр. Филарета позволяет видеть в нем заказчика гимна «Да восприимут ныне горы радость».

Владыка принял монашеский постриг в Желтоводской Макариевой обители, затем подвизался в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, куда после архиерейской хиротонии жертвовал дорогие вклады [32, с. 40-41]. В 1658 г. о. Филарет в сане архимандрита — настоятель Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря; в 1659 г. переведен на такую же должность в патриарший монастырь Рождества Богородицы во Владимире. 24 марта 1672 г. рукоположен в митрополита Нижегородского и Алатарского [15, стб. 611, 613]; в 1686 г. оставил кафедру по болезни и удалился на покой в Желтоводский монастырь, где принял схиму с именем Феодосий.

В связи с Новым Иерусалимом будущий архиерей упоминается в документах с 19 декабря 1666 (1666) г., когда из Оружейной палаты был послан указ Рождественскому архим. Филарету и дьяку приказа Большого дворца Денису Саблукову с повелением: «в Воскресенском монастыре людей иноземцев золотарей и серебряников и резцов и иных всяких дел мастеров, которые были и ныне есть <...> переписать и выслать их с женами и с детьми и со всем их животы, дав им подводы, и мастеровым людям имяную роспись прислать в Оружейную полату» [33, с. 79].

Этим указом началось разорение детища Патриарха Никона. Мастера Нового Иерусалима были отправлены на строительство царского дворца в Коломенском и другие работы. В их число входил и постриженник Святейшего Никона, замечательный резчик по дереву старец Ипполит, несший послушание келейника Первосвятителя вместе с о. Германом в нач. 1660-х гг.

В январе 1667 г. из Воскресенского монастыря были вывезены все «столярныя и кузнечныя снасти»; по указу царя нашли и запечатали «в казне» за печатью архим. Филарета, а затем отправили в Москву «две книги мастерские к резному делу в лицах» из келейной библиотеки «бывшаго патриарха» [34, с. 379].

Архим. Филарет участвовал в «деле Никона» на всех его этапах, начиная с Московского собора 1660 г. В конце октября 1666 г. в подмосковном с. Рогожем он встречал Восточных Патриархов и произносил им приветственное слово от имени царя; в ноябре присутствовал на Московском соборе «об исправлении книжном и о разных обрядах церковных» и получил повеление вручить Святейшему Никону грамоту о прибытии из Воскресенского монастыря в Москву [35, №27, с. 110; №48, с. 268-270; №49, с. 270-271; №61, с. 289-290].

Архимандрит встретился с Патриархом близ села с. Чернева¹ и огласил ему обвинение в том, что он «обезчестил» первых посланных за ним и в Москву не едет. Первосвященитель ответил: «азъ ихъ не безчестилъ, точію вы мя безчестите, яко не по правиломъ святыхъ Отець по Архіерея крайняго суца, Архимандриты пріезжаете».

Последовал диалог: «Архимандритъ же Филаретъ отвѣща ему: мы слушаем повеленія царскаго и Вселенскихъ Святѣйшихъ Патріарховъ, и всего освященнаго Собора, ты же что противишися?»

Святѣйшій же Патіархъ глагола ему: нѣсть кому на васъ жаловатися, токмо Богу» [36, с. 56].

12 декабря 1666 г., согласно Деянию 14-го Московского собора, архим. Филарет присутствовал на заседании, принявшем «Извещеніе или объявленіе совершенное низложенія Никонова и изверженія» [35, №.123, с. 441, 446-451]. Вскоре после этого Восточные Патриархи с соизволения царя и по совету Патриарха Иоасафа предоставили Рождественскому настоятелю «право носить на мантии скрижали и употреблять въ служеніи посохъ архіерейскій, на что дали и грамоту; съ этого времени архимандритъ Филаретъ сталъ называться *преподобнѣйшимъ*» [37, с. 8].

Будучи первым Нижегородским архиереем, митр. Филарет перестроил кафедральный собор Преображения Господня, первоначально возведенный в 1225 г., а затем возобновлявшийся в 1352 и 1652 гг. Третий храм, сооруженный за счет государевой казны по образцу Московского Успенского собора, имел в длину 17, в ширину 12½ сажений. У его южной стены была устроена усыпальница Нижегородских Великих Князей и Княгинь, у северной стены находилось захоронение Козмы Минина (†1617); здесь же, начиная с митр. Филарета, погребали нижегородских архиереев [38, с. 5-6, 22-65].

В соборе особо почитались Иверская икона Божией Матери, написанная изографом Симоном Ушаковым [39, с. 694], и образ свт. Филиппа, митрополита Московского. Обе святыни исторически связаны с деяниями Патриарха Никона.

Время создания Преображенского гимна можно датировать годом кончины о. Германа. 25 июня 1682 г. он участвовал в чине венчания на царство Иоанна и Петра, где вместе с настоятелем московского Златоустова монастыря нес на золотом блюде «венец царя Петра Алексеевича». Чин совершал Патриарх Иоаким, в сонме архиереев был митр. Филарет [40, с. 415-416, 418-419, 427]. Возможно, именно тогда архим. Герман получил заказ и благословение написать песнопение в честь престольного праздника Преображенского собора в Нижнем Новгороде, на Низовой земле, — родине своего духовного отца и наставника.

К тому времени уже была получена от Восточных Патриархов разрешительная грамота Святейшему Никону, что способствовало его церковному почитанию. Пример являла царская семья, «целя вред, иже подъял

¹ Ныне г. Красногорск Московской обл.

отец», как сказано в первой эпитафии Первосвятителю. При архим. Германе записывались посмертные чудеса Патриарха [41, с. 103], возобновилось строительство «великой церкви». Зодческие замыслы Святейшего Никона осмыслились и завершались; дело, начатое царем Феодором, продолжила правительница София, им споспешествовали ученики Патриарха. Старец Ипполит участвовал в создании пространственных образов Нового Иерусалима в теремном Дворце [42, с. 499-514] и получил заказ на изготовление проекта иконостаса для соборного храма Спасо-Преображенского монастыря в Арзамасе [38, с. 454-457; 43, с. 256-257]. Подрядная запись на эту работу относится, по-видимому, ко времени настоятельства игум. Ионы II (1665-1676). В таком случае выбор резчика благословлял, а возможно, и определял митр. Филарет.

Без молитвенного участия митр. Филарета не могло осуществиться в конце 1680-х гг. «часовенное каменное строение» напротив Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, повторявшее Елеонскую часовню Нового Иерусалима, первообразом которой с добавлением шатрового завершения была часовня Вознесения на горе Елеон к востоку от Иерусалима. Святыня нижегородской часовни — Крест в меру Креста Господня с живописным изображением Распятия — воспроизводила резной кипарисный Крест, воздвигнутый в начале 1660-х гг. на Голгофе в соборном храме Воскресенского монастыря [44, с. 247-249]. Печерская часовня строилась при Нижегородском митр. Павле (1686-1696), бывшем казначее Архиерейского дома, преемнике митр. Филарета; Ново-Иерусалимская возводилась при Воскресенском архим. Никаноре (1686-1698), авторе стихотворной эпитафии архим. Герману, где он назвал себя «овчато обще», имея в виду о. Германа и Патриарха Никона [4, с. 194]. Обе часовни, будучи образами Святой Земли, развивали символику и семантику иеротопических идей Первосвятителя.

Митр. Павел и архим. Никанор причастны, по-видимому, и к созданию стихотворной эпитафии митр. Филарету, образцом для которой послужила вторая эпитафия Патриарху Никону [45, с. 45-46, 56-57]. Все эти факты органично вписывают Преображенский гимн в контекст церковной истории последней четверти XVII в.

«Да восприимут ныне горы радость» — одно из лучших произведений архим. Германа. Гимн исполнен ликованием сердца, причастного благодати Божией, и являет тот сокровенный образ Царствия Небесного, который неустанно созидал в своих творениях Патриарх Никон и который богодухновенно воплотил в своих песнопениях его любимый ученик и последователь.

Список литературы

1. Зеленская Г.М. Герман // ПЭ. Т.11. М., 2006, с. 239-241.
2. Авдеев А.Г. Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII века // НЧ. 2011, с. 70-84, 378-379.

3. Зеленская Г.М. Наследство и наследники архимандрита Германа // НЧ. 2011, с. 85-117, 379-384.
4. Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2008.
5. Зеленская Г.М. Настоятели и братия Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII – начале XXI веков // Пространственно-временные перекрестки культуры. Сборник материалов Всероссийской конференции «Человек и мир человека». 30 октября 2008 года. Рубцовск–Барнаул, 2009, с. 347-392.
6. Безуглова И.Ф. Маргиналии в рукописных книгах Кирилло-Белозерского монастыря как источник по истории русской музыкальной культуры // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописных и редких книг. Л., 1988, с. 51-57.
7. Кручинина А.Н. Головщик иеродьякон Григорий Жернов: история его книг и деяний // Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Саранск, 20-22 мая 2004). Саранск, 2005, с. 284-294.
8. Опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1685 г. составлена дьяком Сысского приказа Борисом Ивановичем Остолоповым // РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5092.
9. Зеленская Г.М. К вопросу об авторе новооткрытого анонимного сочинения о Патриархе Никоне // Вестник ЕДС. Екатеринбург, 2020. №1(29), с. 57-82.
10. Шевчук Е.Ю. Кант // ПЭ. Т.30. М., 2012, с. 484-502.
11. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914.
12. Монахиня Игнатия. Церковные песнотворцы. М., 2005.
13. Строев П.М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1891.
14. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
15. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
16. Сазонов Д., прот. История и историософия костромского Ипатьевского мужского монастыря. Кострома, 2012.
17. Авдеев А.Г. Строительная надпись конца XVII века из Тулы // НЧ. 2005, с. 199-203.
18. Зеленская Г.М. Иеромонах Феодосий — эконоом Воскресенского монастыря во второй половине 1660-х годов // НЧ. 2005, с. 204-207.
19. Васильева Е.Е. Псалмы архимандрита Германа // Патриарх Никон. Труды. М., 2004, с. 830-831, 858-873.
20. Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып.2. М., 1892.
21. Севастьянова С.К. Письма Патриарха Никона к боярину Н.А. Зюзину (исследование и публикация текстов) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2020. Вып.96, с. 133-159.
22. Зеленская Г.М. Нумерология в жизни и творениях патриарха Никона // Каптеревские чтения — 18. Сб. статей. М., 2020, с. 284-347.
23. Апполос (Байбаков), архим. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1859.
24. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.
25. Возражение, или разорение, смиренного Никона, Божию милостию Патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигариду, и на ответы Паисиовы // Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's «Refutation» / Ed. With introduction and notes by V. Tumins and G. Vernadsky. Berlin et al., 1982.

26. Анастасий Синаит, прп. Слово на святое Преображение Христа Бога нашего, произнесенное на Святой Горе в день праздника. Перевод М.В. Никифорова // Альфа и Омега. №3(53). М., 2008. — URL : <https://www.pravmir.ru/slovo-na-svyatoye-preobrazhenie-hrista-boga-nashego-proiznesyonnoe-na-svyatoy-gore-v-den-prazdnika/> (дата обращения 12.09.2021).
27. Церковная проповедь на двенадцатые праздники. Слова, беседы и поучения святых отцев и учителей Церкви и известнейших писателей церковных. Ч.1. Киев, 1904.
28. Пролог. Июнь-Август. М., Печатный двор, 1662.
29. Творения отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т.4. Книга первая. Беседы на книгу Бытия. СПб., 1898.
30. Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда. Кириллов. Ферапонтов. Белозерск. М., 1966.
31. Настольная грамота митрополита Нижегородского и Алатырского Филарета I // ГКУ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1, ед.хр. 12а.
32. Савваитов П.И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1902.
33. Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М.–Л., 1934.
34. Николаева М.В. Материалы к словарю резчиков, токарей и столяров Оружейной палаты и Приказа Большого двора // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013, с. 364-396.
35. Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.
36. Известие о рождении и воспитании и о жизни Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871.
37. Тихонравов К. Владимирский Рождествен монастырь XII века. Владимир, 1869.
38. Макарий (Миролюбов). Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857.
39. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003, с. 694.
40. Полное Собрание Законов Российской Империи. [Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1625 г.]. СПб., 1830. Т.2: 1676-1688.
41. Дела Святейшего Патриарха Никона, паче же реци — чудеса врачебная // ЧОИДР. 1887. Кн.1. Смесь, с. 83-114.
42. Соколова И.М. Новый Иерусалим в Кремле. Незавершенный замысел царя Феодора Алексеевича / Макарьевские чтения. Вып. VIII. М., 2001, с. 499-514.
43. Бусева-Давыдова И.Л. Белорусская резь в украшении церковей Московского Кремля // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013, с. 252-257.
44. Тихон (Затёкин), иг. Крестовоздвиженская часовня-крест Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря // НЧ 2005, с. 247-251.
45. Авдеев А.Г. Идеальная стихотворная эпитафия для идеального архипастыря: из века XVII в век XVIII // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74, с. 41-62.